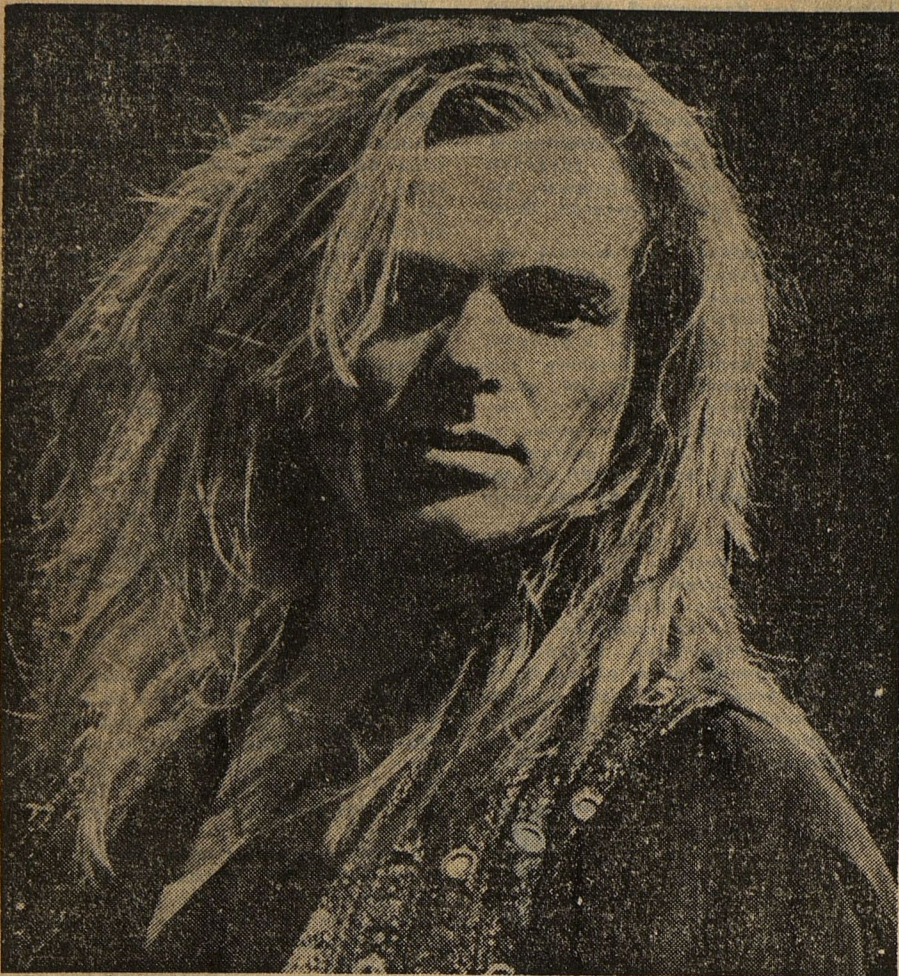

Сценар. - С. - П. - 1992. - 15 июля. - С. 6

СТРАННИК НЕМНОЖКО УСТАЛ?

Вот уже полгода Владимир ПРЕСНЯКОВ с упорством невиданным поет свою «Стюардессу по имени Жанна». В Питере раньше он приезжал с сольными концертами, а теперь — все в сборных программах, со все той же «Стюардессой». Вот и на июньской «Фортуне» в «Октябрьском» пел «Жанну».

Что это с ним происходит? Он вообще здорово изменился с мая 1991-го, когда стал отцом...

— Володя, почему ты так прицепился к этой песенке? Что в «Жанне» нашел такого?

— Все произошло случайно, но потом оказалось, что это — мой первый хит... Его полюбили не только здесь, но и, например, в Испании, в Лос-Анджелесе, именно из-за него со мной подписали западные контракты. Я-то сам не обращал на «Жанну» никакого внимания. Это был приколы, не больше. Я «Стюардессу» написал для «Рождественских встреч» — ну надо было что-то написать побыстрее! Но когда вокруг меня стали все серьезно к ней относиться, то и я полюбил «Стюардессу». Теперь, когда выхожу на концерт на стадионе, что-то невообразимое творится на этой песне. Сам се-

бя не слышу — публика ревет, заглушает.

— Музыка твоя, а стих?

— Ильи Резника. Но я ему обычно даю идею, а то и опорную строчку. Стюардессу я тоже сам придумал.

— Объясни мне — что такое, по твоему, хит?

— Песня, которая делает артиста, поднимает его, и есть хит. Я уже сложился как артист, как шоумен, но мне хотелось сделать шлягер, который могли бы петь в подворотнях, могли распевать богатые, бедные, больные, хорошие, злые...

— В Питере, на «Фортуне» ты выступил в светском обществе звезд советской эстрады. Это твоя компания?

— Почему бы нет?! Кроме того, я услышал на «Фортуне» потрясающую девушку Таню, солистку группы «Летний сад». Для меня — это открытие, явление. Когда я с ней познакомился, она меня не разочаровала — скромный, приятный человек!

— Володя, нет ли у тебя самого такого ощущения, что ты в последние год-полтора, «притормозил»?

— Конечно, есть. Притормозил, что говорить. Но я коплю силы. Чтобы что-то сделать, надо зарядиться. Теперь уже не хочу сочинять хиты типа «Стюардесса». Одного вполне хватит. Теперь берусь за другое — это будет музыка. У меня сейчас работает прекрасный балет — в Харькове нашел. Мы экспериментируем, пытаюсь совмещать новую музыку с новым шоу. Я буду продолжать петь вживую, это для меня важнее, чем сделать грандиозное шоу и там выходить на сцену под фанеру.

— Знаешь, недавно я посмеялся от души, прочитав строчку из письма в редакции меломанов, написавших: «Из старшего поколения нам больше всего нравится Пресняков». Не пала Владимир Петрович, а ты.

— Что ж, и я теперь посмеюсь! Миша, когда я смотрю на группу «Мальчишники», ощущаю себя ветераном.

— Но у тебя длинные волосы, круглые очки — все это не вписывается в модный нынче молодежный имидж. Что с твоей внешностью происходит?

— Я и дальше буду меняться. Это просто мой характер, мой стиль.

— Лишний вес ты не набираешь?

— Бывает, но мне достаточно двух горячих концертов, чтобы скинуть десять кг. Сейчас я вешу то ли восемьдесят, то ли семьдесят килограммов.

— Знаешь, недавно Алла Борисовна на мой вопрос о вашем с Кристиной сыне Никите сказала: «Да я его так редко вижу!» А ты? Ты ведь тоже в развешах...

— Во-первых, Алла поскромничала. Она всегда с подарками приезжает — с какими-то туфлями, маечками, рубашечками.

— Вы разве не вместе с Аллой Борисовной на Тверской живете?

— Нет, мы уже года два живем в Медведково, у моих родителей. Там Крестине моя мама Лена здорово помогает. Хотя все мы поражаемся — из Кристины получилась идеальная мать!

— Неужели вы с Кристиной до сих пор не расписаны? Я знал об этом и раньше, но как-то остергался писать об этом, а теперь смотрю — коллеги-журналисты по секрету всему свету уже сообщили.

— Так будет всегда, потому что я очень суеверный по этому поводу. По крайней мере, все мои друзья, которые

жили по несколько лет со своими девушками, если расписывались, вскоре разводились.

— У тебя, стало быть, на этом пунтик?

— Нет, у нас просто есть какие-то определенные отношения друг с другом. Свободные. И это заставляет любить еще больше.

— Ты, таким образом, застраховался от скандалов, разборок?

— Они случаются, но очень редко. Хотя иной раз думаю, что ничего не изменится, если мы сейчас распишемся, потому что уже достигли какого-то более глубокого отношения друг к другу. Если и ссоримся, по мелочам.

— Володя, твои американские проекты благополучно разрешились?

— Абсолютно неблагополучно. Но после Штатов теперь знаю — на каком уровне я, как мне разговаривать с продюсерами и как воспринимать комплименты и обещания. Меня уже нельзя купить фразой: «Стинг слушал твою кассету — ему очень понравилось». Хотя это действительно так было: Sting слушал «Сынка» и ему дико понравилось. Да, понравилось, но что с того? Или что с того, что в Лондоне мы гели вместе с Элтоном Джоном?! Это только большой кайф — не больше. Элтон Джон от этого хуже не стал, а я лучше! Зато у нас очень модно об этом писать.

Я очень люблю певицу Валерию за то, как она поет романсы, но мне совсем не нравится ее реклама: «С ней писались такие музыканты, как Эрик Клэптон, Sting». Для понимающих людей это значит: мимо нее как-то проходил Sting, может быть, поздоровался, за локоток подержался, да даже если что-то и записал — все равно это ничего не значит. Такую дешевую рекламу может позволить себе низкий артист, а Валерия потрясающая певица. Не она, конечно, а ее продюсеры виноваты.

— Ну а в Лондоне как твои дела?

— Мои английские друзья хотят перебраться на Россию. «Полиграмм» уже купил здесь здание, намерен тут осесть. «Полиграмм» предлагает мне записать здесь, у них, альбом и готов за это заплатить.

— Неужели они хотят отыскать здесь что-то типа ламбады, что потом можно будет экспортировать по миру?

— Может быть. Нам их трудно понять. Мне приятно, что «Полиграмм» относится к этой стране серьезно — вкладывает большие деньги, хочет меня видеть своего рода музыкальным послом. Но я не соглашаюсь. Пока.

— Господи, почему же? Боишься попасть в кабалу?

— Я слишком русский. Знаешь, я с ужасом понимаю, что мне неинтересны английский язык, американские диалекты...

— Ты же столько учил язык, даже в Англию для этого специально ездил. И в итоге возненавидел его?

— Не возненавидел, но очень странно к их жизни отношусь. То, что у них творится, — это ужасно. Настоящий коммунизм! Человек улыбається, одевается, все имеет. Но ничего дальше. Когда общаешься с ними больше, чем неделю, перестаешь что-либо понимать. Я приехал с Запада и принял крещение. Понял, что люблю наш народ и наших людей. Мне сейчас предлагают поехать в Штаты по ресторанам и даже по дискотекам, зарабатывать пятьсот долларов за выступление. Представляешь — пятьсот долларов — это же шестьдесят пять «штук»! А я не могу этого сделать.

— Володя, общественность была потрясена известием, что у тебя угнали новенький автомобиль, а потом тем, что один крупный бизнесмен и меценат подарил тебе «Вольво»...

— Хорошо бы! Классная новость. Если бы еще правдой все это было, но никто мне ничего не дарил. А вот угнали действительно. Потом пришлось мне ехать пять — отбавлять за еще один «жигуленок».

— Что это за знаменитый, поразивший размахом, твой новый илп, о котором говорят в нулуарах, что он обошелся спонсору Игорю Попову в один миллион?

— Серьезно, так говорят?! Нет, он стоил пятьсот тысяч. А то, что спонсировал Игорь, — чистая правда. За что я ему страшно благодарен.

— Что это за песня?

— Это, собственно, не песня, а скорей, музыкальный номер, который был сделан специально под видеоряд, под клип. Вообще-то я хотел там напомнить, что тоже могу танцевать.

— Володя, знаешь, я ведь давно тебя знаю — уж почти десять лет. Сегодня ты предстал для меня, честно говоря, в новом свете. Извини, но таким, как бы это сказать, разбросанным я тебя никогда не видел. Может быть, достигнув немалого и в юном возрасте, ты просто потерял какие-то стимулы? Как тот твой странник из песни — немного устал...

— Может быть. Понимаешь, когда у меня Никита родился, я стал жить совершенно другой жизнью. Нет, не внешней, я имею в виду не пеленки, не бессонные ночи, а совсем другое — внутреннее состояние. Я и сам еще не могу толком объяснить все это, но Никита — мой главный стимул и петь, и жить.

Михаил САДЧИКОВ

Фото Александра АВЕИДУЛИНА